

Историческая информатика

Правильная ссылка на статью:

Гарскова И.М. — Динамика денежной части зарплаты и дифференциация оплаты труда в первой половине 1920-х гг. // Историческая информатика. – 2023. – № 4. – С. 68 - 95. DOI: 10.7256/2585-7797.2023.4.69312 EDN: SUWSJF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69312

Динамика денежной части зарплаты и дифференциация оплаты труда в первой половине 1920-х гг.

Гарскова Ирина Марковна

доктор исторических наук

доцент, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова (МГУ)

119607, Россия, г. Москва, ул. Ramenki, 31-253

✉ irina.garskova@gmail.com

[Статья из рубрики "Квантитативная история"](#)

DOI:

10.7256/2585-7797.2023.4.69312

EDN:

SUW SJF

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2023

Дата публикации:

14-12-2023

Аннотация: Одним из наиболее важных вопросов в рамках изучения неравенства в двадцатые годы XX века советской власти является динамика дифференциации зарплаты рабочих и служащих как один из важнейших показателей. Предметом исследования является динамика денежной и натуральной части зарплаты в первой половине 1920-х годов на материалах комплекса статистических источников. Спецификой этого периода является то, что в годы гражданской войны и военного коммунизма денежная заработная плата не играла существенной роли. Проблема дифференциации оплаты труда в начале восстановительного периода практически не относится к денежной части зарплаты, поскольку прожиточный минимум обеспечивали натуральные выплаты, а именно, паек, игравший, скорее, роль «социального пособия», уравнивающего и не зависящего от количества и качества труда. В работе

проводится анализ дифференциации зарплаты рабочих в первой половине 1920-х гг., оценка ее денежной части с применением комплекса статистических методов. Анализируется динамика средних значений зарплаты в целом и по отдельным отраслям, отношение максимальных зарплат к минимальным по отдельным периодам, а также используются более сложные методы измерения неравенства. Основными результатами являются характеристика роли денежной зарплаты в процессе перехода от почти полной натурализации и господства уравниловки к восстановлению роли зарплаты как средства мотивации труда, повышения его производительности и, следовательно, уровня жизни работников. Выявлен турбулентный период достаточно быстрого и неупорядоченного процесса перехода к уменьшению и отмене натуральных выплат и возвращению к нормальным принципам оплаты труда. Проведено сравнение динамики натуральных и реальных зарплат в региональном и отраслевом аспектах, для столиц и периферии; для промышленных рабочих и служащих, а также для совработников; показаны возможности статистической обработки и анализа данных, включающие, помимо методов дескриптивной статистики, такие подходы как вычисление децильных коэффициентов и индекса Джини.

Ключевые слова:

труд, зарплата, промышленность, рабочие, служащие, профсоюзы, дифференциация, измерение, анализ, статистика

Представленная работа выполнена в рамках проекта «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до "Великого перелома" в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)», поддержанного РНФ (грант № 21-18-00509).

Изучение неравенства доходов и имущества является одним из наиболее актуальных вопросов экономической истории, связанных с изучением социально-экономических процессов в России второй половины XIX в. и раннесоветского общества.

Одним из важнейших показателей неравенства является дифференциация заработной платы в различных аспектах: размеров денежных и натуральных выплат, стоимости суточного пищевого пайка и стоимости бюджетного набора товаров, влияния регионального, отраслевого и образовательного (уровня квалификации) факторов на размер заработка.

Спецификой этого периода является то, что в годы гражданской войны и раннего нэпа денежная заработная плата не играла существенной роли. Проблема дифференциации оплаты труда в период гражданской войны практически не относится к денежной части зарплаты, поскольку прожиточный минимум обеспечивали натуральные выплаты, паек, игравший, скорее, роль «социального пособия», уравнительного и не зависящего от количества и качества труда [\[1, с.370\]](#). Денежная часть зарплаты составляла в начале 1921 года около 14% заработка [\[1, с.66\]](#). Квалификация практически не играла роли: квалифицированные рабочие в это время получали лишь на 2% больше неквалифицированных [\[1, с.61\]](#). С. Г. Струмилин приводит динамику соотношения заработка квалифицированного рабочего высшего разряда и заработка чернорабочего с августа 1917 г. до середины 1921 г.:

Таблица 1. Отношение зарплаты квалифицированного рабочего к зарплате

неквалифицированного [\[2, с.35\]](#)

1917 г.	Август	232%
1917 г.	Ноябрь	168%
1918 г.	сентябрь	130%
1919 г.	сентябрь	109%
1920 г.		104%
1921 г.	1 половина	102%

Именно в период революции и гражданской войны наиболее контрастно проявился конфликт дифференцированной и уравнительной политики в области оплаты труда.

Еще более явно принцип уравнительности, который нивелировал фактор квалификации, сказывался на оплате труда служащих, инженеров и техников. Это было связано с тем, что в 1918–1920 гг. было введено классовое дифференцирование снабжения всего населения продуктами. В Петербурге взрослое население города было разделено на четыре категории: рабочие тяжелого физического труда; рабочие легкого физического труда и служащие; лица интеллигентных и свободных профессий и лица, не занимающиеся трудом (промышленники, торговцы, домовладельцы). Продукты этим категориям выдавались в пропорции 8 : 4 : 2 : 1 [\[3, с.83\]](#). В Москве была похожая система: рабочие, работающие в особо тяжелых физических условиях; рабочие, занятые просто тяжелым физическим трудом; рабочие, занятые легким трудом, служащие и лица свободных профессий; и лица, живущие нетрудовыми доходами. Продукты этим категориям выдавались в пропорции 4 : 3 : 2 : 1 (Эти данные основаны на работе: Вишневский Н. М. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920).

Осенью 1918 г. Наркомпродом была утверждена общая пайковая система, которая была введена повсеместно, в основном, в губернских городах. Она состояла из трех категорий (рабочие, служащие, нетрудовые элементы), с пайковыми выдачами в пропорции 4 : 2 : 1 [\[3, с.84\]](#).

По свидетельству С. Г. Струмилина, в 1918–1920 гг. «...в денежной части инженеру высшего тарифного разряда была обеспечена учетверенная ставка по сравнению со сторожем или уборщицей низшего разряда. Но пайки распределялись по особому классовому принципу, причем рабочие получали более крупный паек, чем служащие. И в результате дело доходило до таких курьезов, что совокупный легальный заработок пайком и деньгами инженера 35-го разряда был ниже заработка наименее квалифицированного чернорабочего или сторожа 1-го разряда» [\[4, с.388\]](#).

Уравниловка привела к уменьшению после революции производительности труда, на что, по мнению С. Г. Струмилина, повлиял такой психологический фактор, как «отвращение к подневольной работе... когда рабочие почувствовали себя, наконец, господами положения, они немедленно же захотели реализовать свою победу облегчением условий своего каторжного труда. Одним из первых требований было требование уменьшения скорости движения некоторых исполнительных механизмов на 10–20%. Далее, примерно в той же пропорции был сокращен рабочий день, уничтожены сдельные расценки, повышавшие интенсивность повременного труда раза в два или около того. Авторитет ... администрации пал до минимума...» [\[4, с.46\]](#).

Одним из важнейших направлений экономической политики государства в период нэпа стало возвращение к принципам дифференцированной оплаты труда. По данным,

которые приводит С.Г. Струмилин, уже во второй половине 1921 года дифференциация начала расти:

Таблица 1а. Отношение зарплаты квалифицированного рабочего к зарплате неквалифицированного [\[2, с.35\]](#)

1921 г.	I половина	102%
1921 г.	II половина	173%
1922 г.	I половина	244%
1922 г.	II половина	262%

Из приведенной таблицы следует, что во второй половине 1921 г. зарплата квалифицированного рабочего относительно зарплаты неквалифицированного составила 173%, а в 1922 г. – 244% в первой половине года и 262% – во второй. Однако С. Н. Прокопович отмечал, что данные С. Г. Струмилины преувеличивают степень неравенства, поскольку основаны не на статистических данных, а получены автором на основании изучения тарифных ставок и данных о натуральных формах заработной платы, распределявшихся между рабочими по принципу социального обеспечения [\[3, с.89\]](#).

Тем не менее, постепенная стабилизация финансовой системы в 1923–1924 гг. и проведение денежной реформы начали способствовать восстановлению роли зарплаты как фактора повышения производительности труда, его мотивации. Это восстановление в первой половине 1920-х гг. происходило достаточно трудно: довоенный уровень дифференциации в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда не был достигнут даже в 1924 году. Однако в 1925 и 1926 г. политика ВЦСПС и отраслевых профсоюзов, а также Наркомата труда снова изменилась в пользу «уравниловки» – сближения норм оплаты труда квалифицированных рабочих и чернорабочих.

Этот процесс продолжался во второй половине 1920-х гг. Наше исследование дифференциации зарплат промышленных рабочих и служащих для этого периода, проведенное на данных разного уровня агрегирования, в целом подтвердило наличие политики уравнивания (выравнивания) зарплат промышленных рабочих и ее зависимость от отраслевой специфики [\[5\]](#). В то же время в отдельных отраслях на уровне различных профессий выявлено, что процесс выравнивания был ориентирован прежде всего на повышение оплаты труда наиболее низкооплачиваемых групп рабочих. При этом зарплаты квалифицированных рабочих повышались значительно медленнее, а иногда даже уменьшались, что, очевидно, приводило к уменьшению дифференциации. Период 1920–1930-х гг. в целом А. К. Соколов характеризовал как борьбу уравнивающей и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд [\[6, с.43\]](#).

Исследование динамики дифференциации зарплат во второй половине 1920-х гг. [\[5\]](#) выявило существование нескольких тенденций: например, у рабочих-железнодорожников и полиграфистов разрыв между зарплатами высоко- и низкооплачиваемых категорий рабочих не только не уменьшался, а даже немного увеличивался, у металлистов и текстильщиков-мужчин этот разрыв фактически оставался без изменений, и только в динамике зарплат текстильщиков-женщин, как и рабочих строительной отрасли разрыв сокращался, т. е. реализовалась политика уравнивания.

* * *

В данной работе мы изучаем дифференциацию оплаты труда для первой половины 1920-х гг., когда в оплате труда роль денежной части заработной платы не была сколь-нибудь существенной. Заработок рабочих в эти годы состоял, условно, из трех частей: 1) денежной части, 2) натуральной части (продовольственный паек, квартира, прозодежда и пр.) и 3) «нелегальной» части, т. е. хищений заводского имущества, приобретения продуктов по карточкам на несуществующих лиц и т. д. [\[1, с.28-30\]](#) Динамику соотношения денежной и натуральной части зарплаты фабрично-заводских рабочих России в период 1913–1921 гг. показывает табл. 2, построенная С. Г. Струмилиным на основе бюджетных обследований и обследований питания:

Таблица 2. Средний месячный уровень жизни индустриальных рабочих (в руб. 1913 г.)
[\[4, с.386\]](#)

Годы	Легальный заработок		Прочие поступления	Весь доход	
	деньгами	натурой		В руб.	В %
1913	23,6	1		24,6	100
1914	23,3	1		24,3	99
1915	22,1	1		23,1	94
1916	21,3	1		22,3	91
1917	18,3	1,9		20,2	82
1918	4,73	4,26	1,5	10,5	43
1919	1,4	5,37	1,7	8,5	35
1920	0,49	6,11	1,7	8,3	34
1921	0,96	5,99	1,7	8,7	35
1922	4,65	4,85	0,8	10,3	42

По данным этой таблицы, минимальные значения зарплаты относятся в 1920 году – уровень зарплаты упал фактически в три раза по сравнению с довоенным 1913 годом. Это сопровождалось еще более резким падением денежной части, которая составила в 1920 году 0,49 руб. или менее 6% суммарной зарплаты. Натуральная часть заработка составила почти 74%, а прочие составляющие – еще более 20%. Если учесть огромную инфляцию, наличие государственной монополии на важнейшие продукты, запрещение частной торговли и жесткую регламентацию распределения товаров, денежная часть заработной платы теряла какое-либо значение по сравнению с натуральной частью, т.е. продовольственными выдачами.

Гигантская инфляция, обесценивание рубля, отсутствие достаточного продовольствия на рынке – все эти факторы снижали роль денежных выплат как стимула к труду. Настоящим стимулом в этот период были натуральные выплаты, прежде всего, продовольственный паек. Денежный месячный заработок в 1920 году мог обеспечить весьма скромный уровень продовольствия всего на два-три дня. Известно, что на IV съезде профсоюзов в мае 1921 г. делегаты высказывались за полную замену денежной зарплаты натуральной [\[7, с.400-410\]](#). Даже в первые годы нэпа сохранялись натуральные выплаты, и за них твердо держались рабочие и профсоюзы.

И хотя главным фактором обеспечения жизни были продуктовые выдачи, со второй половины 1921 года натуральная денежная зарплата в условиях гиперинфляции быстро росла – за 1921 год средняя зарплата промышленных рабочих в России выросла примерно в 180 раз, зарплата служащих – в 150 раз.

Для учета влияния рыночной конъюнктуры и исчисления минимального уровня зарплаты

профсоюзами была предложена система «скользящей шкалы»: средний процент ставки исчисления зарплаты изменялся в соответствии с рыночной стоимостью минимального набора продуктов на местном рынке. Однако система подобных региональных минимумов оказалась неэффективной, для оплаты рассчитанных ставок не хватило средств. Как отмечает А. А. Ильюхов, «усиление дороговизны зимой 1921/22 г. вследствие неурожая и голода не позволили... удержать достигнутый к ноябрю 1921 г. уровень заработной платы в 10–13 руб. в Москве и 6–7 руб. в провинции» [\[1, с.91\]](#). Кроме того, планы продовольственного снабжения повсеместно не выполнялись, продуктовые пайки выдавались не полностью и с задержками.

От системы регионального минимума зарплаты пришлось отказаться. С февраля 1922 г. постановлением СНК все вопросы, связанные с формированием фондов заработной платы, были переданы в Центральную фондовую комиссию по заработной плате (Цефонд) [\[8, с.32\]](#). В результате ставки зарплаты по отдельным отраслям и районам устанавливались, исходя из «хозяйственно-политической целесообразности». Но и от этой системы пришлось отказаться.

А. А. Ильюхов приводит данные о сравнительной динамике цен и натуральных денежных зарплат в конце 1921 – начале 1922 гг. (с ноября 1921 г. по май 1922 г.). За этот период цены выросли в 5000 раз, тогда как ставки зарплат – только в 1500 раз. В результате в первые три месяца 1922 г. реальная заработная плата рабочих упала до 57%, 46% и 30% от октябрьского уровня 1921 года [\[1, с.91–92\]](#).

Несмотря на то, что денежная часть зарплаты до середины 1921 года была весьма незначительной, в ее динамике обнаруживаются вполне определенные тенденции. Как часть общего заработка, денежная плата аккумулирует влияние всех факторов, определяющих величину этого заработка – это и рост цен, и экономические условия отдельных районов и отраслей производства, и тарифная политика профсоюзов. Очевидно, несмотря на слабый удельный вес, денежная часть отражает основной фактор, определяющий в это время общую величину заработка, – это стоимость жизни.

Стоимость жизни можно оценить через такой показатель, как стоимость суточного пищевого пайка. Его создание началось с попытки в июне 1918 года наладить текущий учет цен и построить индекс по Петрограду на основе пищевого пайка из семи продуктов. С января 1919 г. по Петрограду и ряду других рынков Северной области стали исчислять индекс из цен 18 пищевых продуктов, исходя из довоенной нормы в 3600 калорий, однако поддерживать довоенную норму не удавалось, поэтому был утвержден всесоюзный индекс на основе пайка по 16 товарам по норме в 2700 кал. Этот индекс (см. табл. 3) действовал до конца 1921 г. [\[4, с.403\]](#)

Таблица 3. Состав суточного пищевого пайка в 2700 калорий в 1920–1921 гг. [\[9, с.250\]](#)

	Название продуктов	В каких единицах	Прожиточная норма	В ней нетто калорий
1.	Хлеб черный	фунт	0,6	420
2.	Мука ржаная	– " –	0,8	960
3.	Крупа	– " –	0,08	104
4.	Картофель	– " –	3,2	832
5.	Капуста	– " –	0,3	15
6.	Свекла, морковь и пр.	– " –	0,1	10

7.	Сахар и сладости	– " –	0,03	48
8.	Жиры растительные	– " –	0,03	108
9.	Жиры животные	– " –	0,01	29
10.	Мясо	– " –	0,2	80
11.	Сельди	шт.	0,1	30
12.	Рыба	– " –	0,05	20
13.	Молоко	бут.	0,1	40
14.	Яйца	шт.	0,05	4
15.	Соль	– " –	0,07	0
16.	Чай	– " –	0,01	0
	Итого			2700

Стоимость пайка по рыночным ценам в условиях инфляции стремительно росла, причем все ускоряющимся темпом. На рис. 1 приведен график, построенный на средних помесечных данных о его стоимости из табл. VI Статистического ежегодника ЦСУ за 1921 год по губерниям Европейской части РСФСР [9, с.237]. За три года стоимость бюджетного набора в рублях выросла почти в тысячу раз или на 3 порядка (на графике эта динамика показана в логарифмической шкале).

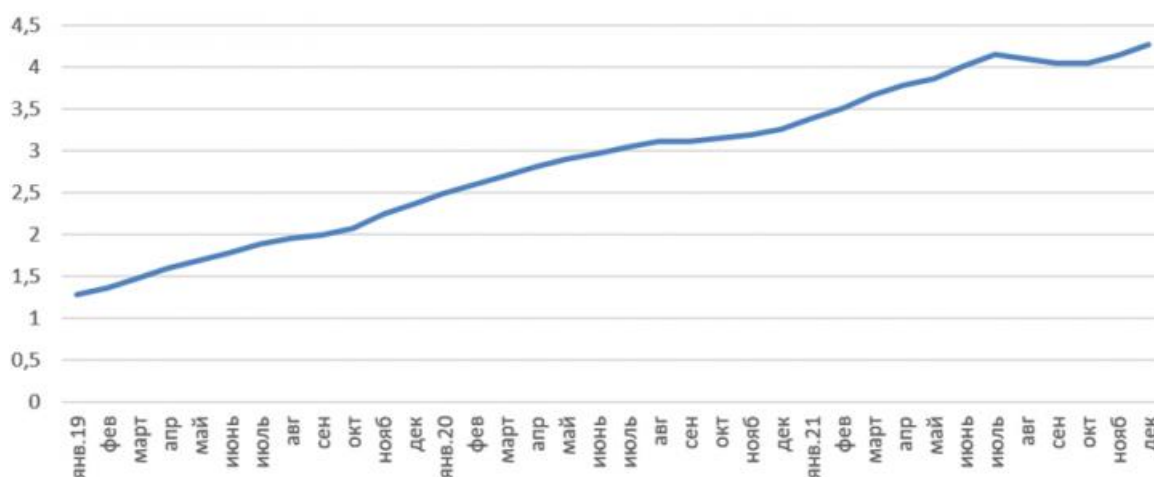

Рис. 1. Динамика стоимости суточного пищевого пайка в период 1919–1921 гг.

Для 1921 года в источнике дается информация о стоимости пайка по 29 губерниям, в том числе по губернским и уездным городам. Поскольку дифференциация в региональном аспекте в этот период определялась именно стоимостью бюджетного набора, нами для 1921 года подсчитано значение индекса Джини по 29 губерниям; это значение (0,135) сравнительно невелико. Коэффициент вариации (27%) стоимости бюджетного набора по губерниям также свидетельствует о достаточной однородности этой совокупности, т. е. мы видим общий по стране низкий уровень жизни.

С 1922 г. бюджетный набор (аналог потребительской корзины) включал 15 видов продуктов питания и 9 товаров первой необходимости. Стоимость бюджетного набора служила денежной единицей: весь набор стоил 10 бюджетных рублей, а одна десятая стоимости такого набора носила название «условный бюджетный рубль». В начале 1920-х гг. на среднюю заработную плату семьи из двух человек с одним работающим можно было ежемесячно купить от 1,18 до 2,04 таких наборов (в 1913 г. на среднюю заработную плату рабочего крупной промышленности в расчете на семью из двух человек можно было купить ежемесячно 2,49 таких бюджетных наборов).

С 1922 г., кроме пищевых продуктов, в индекс были введены несколько товаров из

одежды и обуви и других предметов первой необходимости (всего 24 товара), с 1924 г. в этом наборе были пересмотрены веса товаров. С декабря 1926 г. набор снова был увеличен до 40 предметов, включая стоимость квартирной платы и некоторых коммунальных услуг [\[4, с.403\]](#).

Можно наглядно выразить зависимость между величиной заработной платы и стоимостью жизни, если сопоставить цифры заработной платы непосредственно с данными о стоимости прожиточного минимума, т. е. со стоимостью суточного пищевого пайка. В очерке «Движение денежной заработной платы», включенном в справочник «Статистика труда в промышленных заведениях; явки на работу, прогулы и заработная плата рабочих в 1920 году» зав. отделом статистики труда Г. С. Полляк приводит таблицу, в которой губернии разбиты на 4 группы по величине стоимости суточного пищевого пайка в 2 700 калорий, и для каждой группы даны средние цифры заработка.

Информация о стоимости пайка дается в источнике по 29 губерниям, а сведения о заработной плате – по 19 губерниям. Таким образом, в очерке Г. С. Полляка использованы данные по 16 губерниям и городам РСФСР, по которым имеется информация по обоим показателям за весь 1920 год (по трем губерниям данные неполны).

Таблица 4. Группировка губерний по величине стоимости суточного пищевого пайка [\[10, с.19\]](#)

Группа	Стоимость суточного пищевого пайка (руб.)	Средний месячный заработок (руб.)	Колебания (руб.)
I	свыше 3000	8466	4624-9928
II	2400-3000	5609	3026-7394
III	1800-2400	3840	2794-4985
IV	менее 1800	2785	1974-3272

В первую группу, по классификации Г. С. Полляка, входят Москва, Петроград и Тульская губ.; во вторую – Нижегородская, Владимирская, Архангельская и Тверская губ., в третью – Череповецкая, Новгородская, Вологодская, Иваново-Вознесенская, Ярославская и Костромская губ.; в четвертую – Вятская, Пермская и Северо-Двинская губернии.

Таблица показывает, что в районах с высокими ценами на продукты зарплаты выше, что неудивительно. По сравнению со стоимостью жизни влияние иных факторов, в частности, квалификации, отступает на второй план. Средняя величина заработка не демонстрирует связи со средним тарифным разрядом, характеризующим квалификацию рабочих.

Связь между величиной прожиточного минимума и денежным заработком сказывается здесь вполне определенно. По мере перехода от районов с высокими ценами на жизненные продукты к районам более дешевых цен наблюдается резко выраженное понижение заработной платы (с 8466 руб. в первой группе до 2785 руб. в четвертой группе). Таким образом, изменения величины заработка по губерниям соотносятся с реальной стоимостью жизни. Подсчитанный нами коэффициент корреляции между денежной частью зарплаты и стоимостью суточного пайка в 1920 г. принимает значения в диапазоне от 0,86 до 0,70, снижаясь к концу года.

Для оценки степени неоднородности совокупности губерний в 1920 году были

подсчитаны также коэффициенты вариации, которые демонстрируют, что неоднородность в распределении зарплат по губерниям заметно ниже, на уровне около 33%, нежели неоднородность по отраслям (профессиональным союзам), которая достигает 44%. При этом в губерниях с низкими уровнями зарплат вариация по отраслям наиболее низкая (так, в Вятской губернии она составляет 15%), а в губерниях с более высокими зарплатами вариация – наиболее высокая (например, в Московской губернии, лидирующей по уровню зарплат, вариация по отраслям достигает 65%). Самые незначительные различия между губерниями (не более 30%) – в зарплатах пищевиков, табачников и типографских рабочих; наиболее резкие региональные различия фиксируются в зарплатах строителей (выше 100%).

Подсчет индекса Джини по распределению зарплат между губерниями дает величину 0,23, т. е. не выявляет существенных региональных различий, как и коэффициент вариации. Если же сравнить степень неравенства не в распределении зарплат, а в распределении стоимости суточных пищевых пайков, представляющих в этот период реальные заработки рабочих, то в начале года выявляется более высокая степень дифференциации (см. табл. 5), которая, затем обнаруживает устойчивую тенденцию к уменьшению.

Таблица 5. Динамика показателей дифференциации губерний в 1920 году по стоимости суточных пайков

Период	Коэффициент вариации (%)	Коэффициент Джини
январь	67,4	0,35
апрель	59,6	0,32
июль	51,5	0,27
октябрь	32,8	0,18
январь 1921 г.	33,2	0,18

1921 год, определивший начало нэпа и изменение общего направления экономической политики, явился годом перелома и в отношении заработной платы, которая в части ее размеров и строения также претерпела значительные изменения.

Разумеется, как и предшествующий период, денежная заработная плата, особенно в первой половине 1921 года составляла значительно меньшую часть (около 10%) совокупной зарплаты, однако динамика 1921 года показывает, что ее номинальная величина возросла к концу года во много раз. Сравнение номинального заработка в начале и конце года показывает стремительный рост – заработок в декабре превышает январский в 139 раз. Однако это повышение шло весьма неравномерно – за всю первую половину года номинальный заработок повысился только в 1,5 раза, и это при том, что стоимость суточного пайка в 2700 калорий выросла в 3 раза. Соответственно, в январе денежный заработок соответствовал стоимости двух суточных пайков, а в мае-июне – только одного пайка.

Иная картина – во втором полугодии. Уже в июле номинальный заработок повышается почти до четырех январских, к августу – еще почти вдвое и далее каждый месяц (кроме декабря) он возрастает даже более чем вдвое.

Реальная зарплата (исчисленная в пайках) до июля показывает лишь незначительный рост. Далее, благодаря понижению рыночных цен, зарплата начинает быстро расти, и даже с сезонным ростом рыночных цен в октябре реальный заработок продолжает

возрастать (за исключением декабря). Подсчет отношения декабрьского заработка 1921 года к январскому по данным таблицы V.1 Статистического ежегодника за 1921 год дает 18-кратный рост реальной зарплаты (в суточных пайках это рост с 2,3 до 42 пайков. Вместе с тем, подчеркнем, что в 1921 году реальный заработок рос почти в 10 раз медленнее, чем номинальный [\[11, с.27-28\]](#).

Действительный перелом в отношении размеров денежной заработной платы начинается со второй половины 1921 года, что можно объяснить влиянием двух факторов: внедрением т. н. системы коллективного снабжения и инициативами местных тарифных органов. Г. С. Полляк считает, что именно эти инициативы были до декабря определяющими, и в качестве аргументов приводит динамику заработной платы по профессиональным союзам, которая при общем увеличении заработной платы существенно различается: значительно ниже средних темпов роста увеличивалась во втором полугодии зарплата металлистов; у химиков, текстильщиков и полиграфистов темп роста заработной платы был близок к среднему (на таких предприятиях была введена система коллективного снабжения); напротив, у пищевиков, швейников, табачников и кожевников зарплата росла значительно быстрее, чем средняя (у пищевиков – даже в три раза) [\[11, с.29\]](#).

Анализируя помесечную динамику зарплаты по различным союзам в целом и отдельно – для предприятий, переведенных на коллективное снабжение, Г. С. Полляк приходит к выводу, что быстрый рост был обусловлен прежде всего деятельностью местных тарифных органов, на короткое время получивших самостоятельность в этом вопросе – от IV Съезда профсоюзов (18–25 мая 1921 года) до Наказа ВЦСПС (1 декабря 1921 года), который ограничил местную инициативу. Действительно, динамика зарплаты по профессиональным союзам существенно различается: к концу года в тех производствах, где была введена система коллективного снабжения, темп роста заработной платы был замедленным, а наиболее интенсивный рост зарплаты отмечается в тех отраслях, которые производили продукцию, предназначенную для широкого потребления и имели возможность быстро реализовывать свою продукцию на свободном рынке. Это обеспечивало материальную базу для повышения зарплат местными тарифными органами [\[11, с.29-30\]](#).

Г. С. Полляк пишет о «не поддающейся никакому закономерному определению пестроте, которая обнаруживается по отдельным губерниям и хаотическом беспорядке» [\[11, с.31\]](#) в данных о зарплатах в 1921 году. «Застрельщиками в этом отношении выступают две губернии западного района: Минская и Витебская, в которых уже в январе 1921 г. номинальная заработная плата составляет более 25 тыс. руб. в первой и почти 12 тыс. руб. во второй; в остальных губерниях она в это время колеблется от 1101 до 7302 руб. и лишь в Москве и Петрограде поднимается до 8477 и 9723 руб. Эти же две губернии сохраняют высшие размеры средней заработной платы вплоть по апрель месяц; в мае на первое место выдвигается Ставропольская губерния со средним заработком 36610 руб. (при общей средней 8512); в июле – Омская, сразу повышающая заработную плату с 9246 руб. в июне до 233038 р. в июле и т. д... Соотношение между максимумом и минимумом достигает небывалых размеров». Эти выкладки основаны на данных таблицы V.1. «Движение денежного заработка промышленных рабочих в 1921 г.» [\[9, с.226-227\]](#).

В 1921 году отношение наибольшей месячной зарплаты промышленных рабочих к наименьшей испытывает значительные колебания: повышение от 13,8 в феврале до 207,3 в августе, с резким падением до 26,4 в октябре и незначительным повышением до 34,6 к концу года. Однако коэффициент вариации, который в первой половине года

растет до 184%, в конце года падает до минимального значения 45% за счет того, что распределение зарплат по губерниям и областям России становится более однородным. Возможно, на этих колебаниях отразился и тот факт, что в последние месяцы 1921 г. стоимость натуральных выдач, частично по пониженной цене, вычиталась из начисленной денежной заработной платы (эффект натурализации зарплаты).

В связи с резким ростом номинальной зарплаты, начиная с июня 1921 года, под влиянием неэкономических факторов, помесечная динамика таких показателей дифференциации, как отношение максимальной зарплаты к минимальной и коэффициент вариации, становится малоинформативной. Более надежными в этой ситуации являются среднегодовые показатели, которые сглаживают резкие различия помесечной динамики. Нами подсчитано среднегодовое отношение максимальной и минимальной зарплат по губерниям России, равное 22, коэффициент вариации – 73% и коэффициент Джини – 0,36. Полученные результаты подтверждают мнение Г. С. Полляка о «хаотичности и пестроты» данных, свойственных зарплатам в переходном, 1921 году.

Отметим, что дифференциация распределения стоимости суточного пищевого пайка в 1921 году в целом дает более однородную картину: отношение максимальной среднегодовой стоимости к минимальной примерно такое же, как для номинальных зарплат (24,1), но коэффициент вариации и индекс Джини меньше: 26% и 0,13, соответственно. Этот результат показывает, что рыночные цены были менее подвержены влиянию субъективных факторов, регулирующих рост зарплат.

По профессиональным союзам дифференциация в 1921 году заметно ниже дифференциации по регионам: отношение наибольшей годовой зарплаты к наименьшей равно 4,4, коэффициент вариации на уровне 39%, индекс Джини равен 0,22. Видимо, это было связано с общей политикой отраслевых профсоюзов, стремящихся компенсировать рост цен максимально возможным повышением зарплат

С. Г. Струмилин обращает внимание на то, что быстрому росту денежной части зарплаты способствовало увеличение доли сдельной формы оплаты труда: «вопрос о сдельной оплате, несмотря на принципиально отрицательное к ней отношение рабочих организаций, снова поднят и разрешается в положительном смысле», объясняя это тем, что «при существующем питании, крайне недостаточном для удовлетворения нормальной потребности работающего организма, ... сдельная работа, давая добавочный заработок, возрастающий быстрее расхода энергии на интенсификацию труда, даже несколько облегчает в этом отношении положение рабочего... Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется тот на первый взгляд неожиданный факт, что рабочие, всегда боровшиеся со сдельщиной, в настоящее время добиваются перехода к сдельной оплате» [\[4, с.362\]](#). Эта тенденция наиболее явно прослеживается на данных Таблицы V.3 «Денежный заработок рабочих по производственным союзам и формам оплаты труда (сводная по РСФСР)» [\[9, с.229-232\]](#) по профсоюзам строителей, кожевников, швейников (см. рис. 2-4).

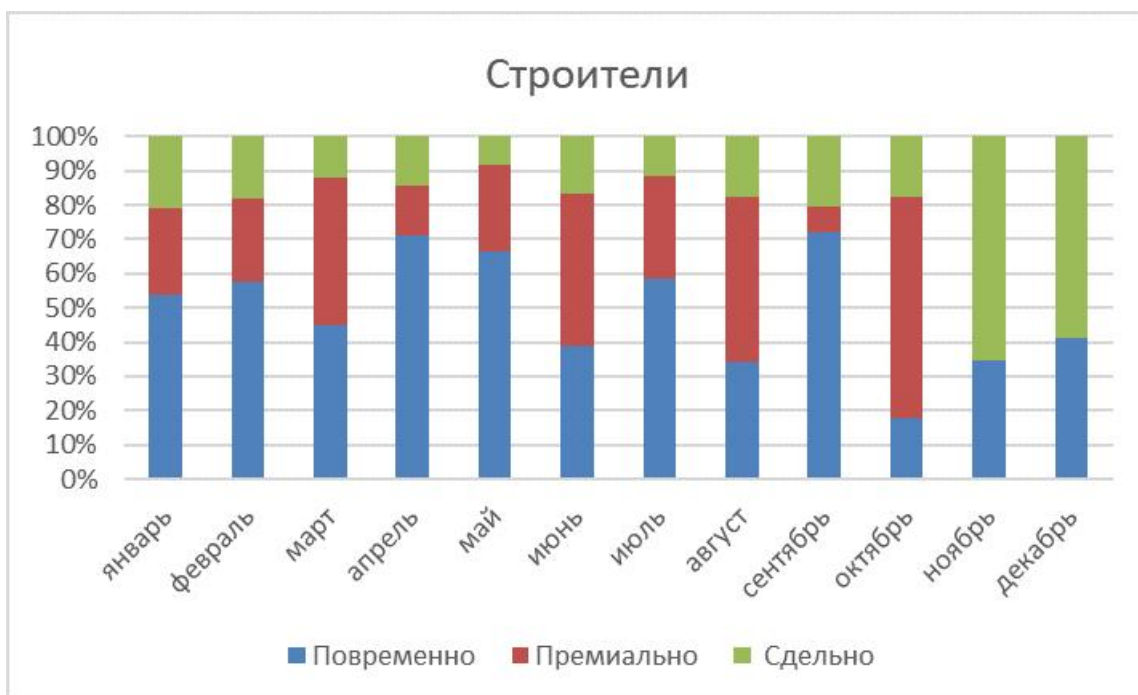

Рис. 2. Повышение доли сдельной формы оплаты труда в 1921 г. профсоюз строителей

Рис. 2. Повышение доли сдельной формы оплаты труда в 1921 г. профсоюз кожевников

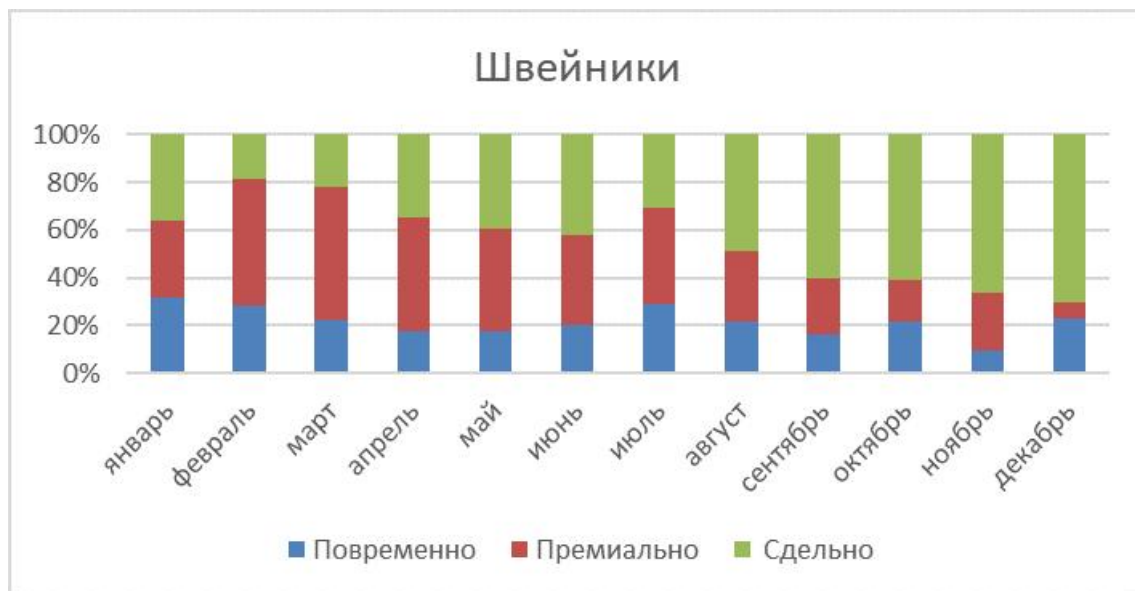

Рис. 2. Повышение доли сдельной формы оплаты труда в 1921 г. профсоюз швейников

Анализ зарплат служащих показывает, что их зарплаты росли в 1921 году быстрее, чем зарплаты рабочих (см. рис. 5), отношение зарплат служащих к зарплате рабочих было достаточно стабильным – на уровне от 1,4 до 1,8 и, более того, замечен тренд незначительного убывания этой величины.

Как и для зарплат рабочих, у служащих наблюдаются резкие по губерниям колебания отношения максимальной зарплаты к минимальной. Этот же эффект можно видеть и на динамике коэффициента вариации, и на динамике индекса Джини (по данным таблицы V.2. «Движение денежного заработка промышленных служащих в 1921 г.» [\[9, с.228\]](#)), поэтому для служащих, как и для рабочих мы проводим оценку дифференциации по среднегодовым показателям.

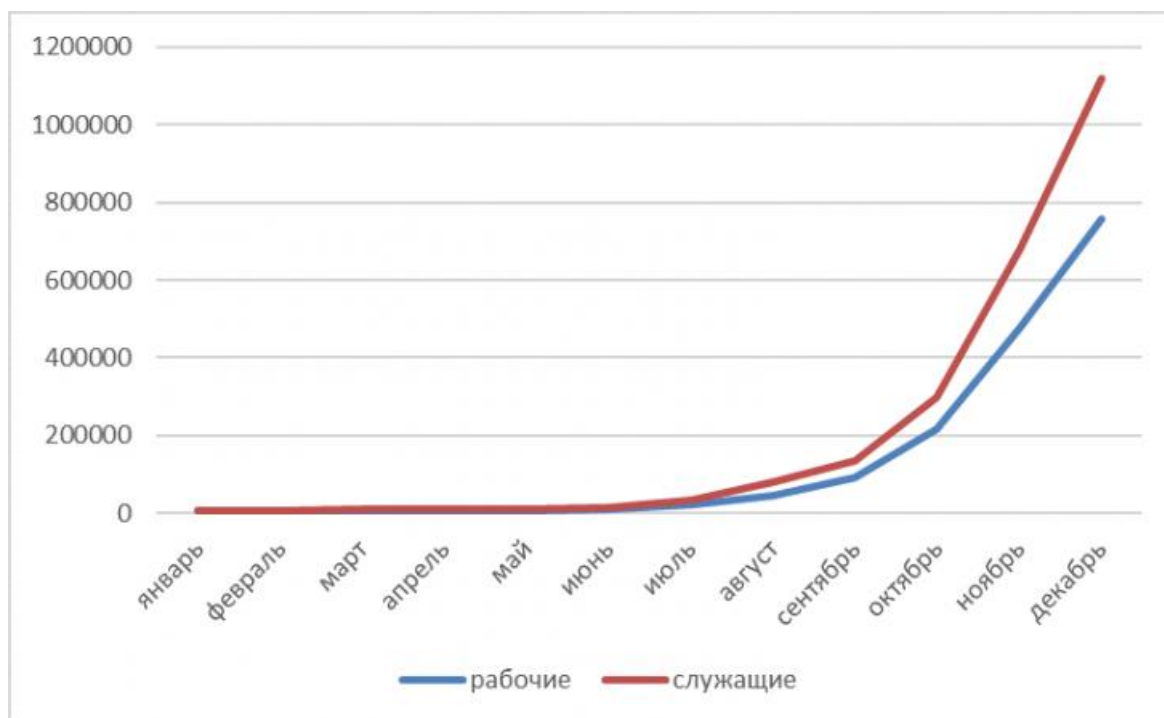

Рис. 5. Динамика номинальных зарплат рабочих и служащих в 1921 году

В среднем по 1921 году коэффициент вариации уровня зарплат по регионам (54 губернии) как для рабочих, так и для промышленных служащих составляет 72–73%, а по

профессиональным союзам (16 союзов) снижается до 39% для рабочих и 37% для служащих. Аналогичный эффект демонстрирует индекс Джини, который равен 0,35–0,37 по региональной дифференциации зарплат и 0,19–0,21 – по отраслевой.

Значительно ниже дифференциация по стоимости суточного пищевого пайка – коэффициент вариации – 24%, индекс Джини – 0,12.

* * *

Обращаясь к данным о зарплатах рабочих и служащих в 1922–1924 гг., отметим, что в разделах Труд (Труд и профессиональные союзы) Статистических ежегодников ЦСУ за 1922–1923 и 1924 годы [\[12\]](#) [\[13\]](#) содержится информация о реальной зарплате рабочих и служащих и ее денежной части (а также о стоимости жизни – это значения стоимости бюджетного набора товаров и бюджетного индекса). С использованием этих данных тенденция, наметившаяся в 1921 г., становится более заметной в следующие годы

Наиболее важной характеристикой 1922 года является решительный перелом в соотношении составных частей зарплаты: денежных выплат и натуральной части заработка, выдаваемого продовольствием и товарами первой необходимости. В 1922 году натуральная часть заработка состояла главным образом из изделий собственного производства. Хотя процесс роста денежной доли заработка начался еще во второй половине 1921 г., в первой трети 1922 года этот процесс замедлился в связи с подъемом цен, и натуральная часть заработка еще продолжала оставаться преобладающей, особенно в провинции. Но начиная с мая месяца, под влиянием уменьшившегося темпа роста цен, увеличившегося торгового оборота, а также усилившихся тенденций к проведению денежной системы оплаты труда, уже до конца года обозначилось решительное падение доли натуральных выплат. В табл. 6 можно проследить этот резкий перелом.

Таблица 6. Денежная часть заработной платы в % к общему заработку рабочих крупной промышленности в 1922 г. [\[14, с.202\]](#)

	Москва	Ленинград- ская обл.	Провинци- альные губ.	В среднем по СССР			
				В том числе			
				По всем пр- вам	метал. пром.	текст. пром.	хим. пром.
январь	37,8	42,9	16,4	22,5	15,5	19,4	29,6
февраль	49,9	47,4	22,4	29,3	16,6	33,3	36,4
март	61,9	54,1	19,2	29,2	22,7	31	47,2
апрель	48,4	51,4	26,1	26,1	21	20,4	43,7
май	69,1	63,6	27,9	38,4	34	29,8	55,2
июнь	75,5	73,6	36,2	45,6	37,1	45,4	63,8
июль	77,6	76,1	42	51,3	34,3	47,1	82
август	79,7	79,9	60,4	65,9	60	61,2	80
сентябрь	85	82,1	59,1	66,7	64,5	61,3	80
октябрь	93,4	77,6	60,6	68,1	74,1	68,6	78,3
ноябрь	94,8	90,4	66,3	75	80,8	57,2	84,1
декабрь	94,5	88	72,1	78,4	81,1	63,2	87,5
в ср. за							

год	77,1	74	45,1	53,1	50,9	45,7	67,2
-----	------	----	------	------	------	------	------

По отдельным союзам наиболее быстрыми темпами в 1922 г. росла денежная часть зарплаты у рабочих-металлистов – с 15 до 80% (более чем в пять раз), у рабочих-текстильщиков она выросла с 19 до 63% (более чем втрое), у химиков – с 30 до 87% (почти втрое). В целом, вариация доли денежной части зарплаты (по крупным предприятиям) в течение 1922 года уменьшается.

Подробный анализ помесечной динамики как денежной, так и натуральной части зарплаты рабочих и служащих был проведен А.Г. Рашиным в статье «Движение заработной платы в 1922 году». Поскольку исчисление заработной платы в советских рублях при быстром и неравномерном росте цен не дает реального представления о динамике процесса, автор выражает зарплату в стоимости бюджетного набора продуктов питания и товаров первой необходимости (этот набор оценивался в 1913 г. в Москве и Петрограде в 10 рублей, а в среднем по России в 7 р. 36 к.). Оценка денежной части зарплаты проводилась А. Г. Рашиным по индексу на 1-е число следующего месяца, поскольку заработная плата неоднократно выплачивалась с запозданием (см. табл. 7).

Таблица 7. Средний месячный заработок промышленных рабочих в 1922 году [\[14, с.194\]](#)

	В отношении к стоимости бюджетного набора продуктов					
	По всей промышленности	В том числе				
		По обработке металла	По текстильной промышленности	По химической промышленности	г. Москва	Петроградская губ.
январь	75,2	82,6	65,9	69,8	87,7	85,6
февраль	80,2	88,7	61,5	70,5	98,3	80,2
март	81,5	91,7	69,5	94,8	85,8	99,7
апрель	77,4	91,4	61,0	91,0	77,1	89,5
май	89,6	97,7	71,4	115,3	121,6	99,2
июнь	99,0	105,8	79,8	118,4	128,7	99,5
июль	107,4	106,2	84,0	128,7	127,3	119,7
август	113,0	121,0	93,0	154,1	143,6	143,6
сентябрь	118,3	138,5	92,1	154,6	153,1	153,3
октябрь	110,6	121,4	84,5	124,2	143,5	136,2
ноябрь	125,4	154,4	86,3	168,4	173,9	195,0
декабрь	142,0	156,2	115,0	162,7	192,2	189,1
в ср. за год	101,6	113,0	80,4	120,5	127,7	124,2

Видно, что в первой трети года под влиянием стремительного падения курса рубля, когда цены почти ежемесячно удваивались (за январь – на 89%, за февраль – на 111%, за март – на 119%, за апрель – на 65% [\[14\]](#)), приостановился рост реальной заработной платы, начавшийся в последней четверти 1921 г., а по некоторым отраслям промышленности, например, текстильной, реальная зарплата даже понизилась. Но в целом по промышленности в первой трети года реальный заработок оставался на достаточно стабильном уровне: реальная заработная плата рабочих за январь–апрель составляла в среднем по всей промышленности примерно 80% стоимости бюджетного

набора продуктов, т.к. в основу тарифной политики был положен принцип, что заработки должны повышаться по мере роста цен. Кроме того, в общей сумме заработной платы стоимость выдач натурой в первой трети 1922 года все еще составляла более 70% совокупной заработной платы.

С мая по сентябрь реальный уровень зарплаты непрерывно повышался в связи с уменьшением темпа роста цен ввиду благоприятных видов на урожай (в мае цены выросли на 22%, в июне – на 14%, в июле упали на 3,5%, в августе повысились на 7%, в сентябре – на 23% [\[14, с.195\]](#)). В среднем по всей промышленности сентябрьский заработок превысил январский на 57%. Средняя зарплата промышленных рабочих с июля уже превышает стоимость бюджетного набора. По выражению А.А. Ильюхова, «с июня 1922 г. заработная 1, плата начала кормить» [\[1, с.88\]](#).

В этот период, с учетом изменившихся экономических условий и улучшения положения промышленности начинается регулирование зарплаты путем применения коллективных договоров, причем к сентябрю таким образом ее получает уже значительная часть промышленных рабочих. Однако темп роста реальной заработной платы за первые 9 месяцев 1922 года сильно различался по отраслям промышленности: у металлургов заработки увеличились на 67,6%, у текстильщиков всего на 39,7%, а у химиков на 121,5%.

В октябре сезонный скачок цен вызвал падение реальной заработной платы в среднем по всей промышленности, однако в конце года заработки значительно повысились не только под влиянием замедлившегося роста цен по сравнению с октябрём, но и благодаря изменению тарифной сетки и продолжающемуся процессу подорожания промышленных изделий по сравнению с продуктами сельского хозяйства. Таким образом к декабрю заработная плата промышленных рабочих превысила сентябрьский уровень на 20%.

В итоге по всей промышленности заработная плата за 1922 год возросла на 88,8%, но дифференциация по отраслям сохранялась: в металлообрабатывающей промышленности рост (89,1%) соответствовал среднему уровню, по текстильной он был ниже среднего (74,5%), по химической – заметно выше (138,1%).

Следует заметить, что рост заработка в денежной форме сопровождался уменьшением бесплатного предоставления рабочим целого ряда натуральных благ (коммунальные услуги и пр.), восстановлением платности целого ряда услуг и уменьшением роли нелегальных заработков, распространенных в период низкой заработной платы, поэтому надо согласиться с А. Г. Рашиным, что оценка 88-процентного роста заработков в 1922 году представляется завышенной [\[14, с.195\]](#).

Как и в предыдущие годы, заработки в столицах заметно превышали средний уровень по всей промышленности: в Москве и Петрограде за год заработки увеличились почти одинаково – на 120%.

В своих исследованиях бюджетов рабочих и служащих в период 1922–1926 гг. [\[15\]](#) [\[16\]](#) Г. С. Полляк приходит к выводам, что с 1923 года зарплата начинает занимать преобладающее место в бюджете семьи. Так, с конца 1922 г. в приходном бюджете семейных рабочих зарплата составляет более 80% [\[15, с.171\]](#). Вместе с ростом бюджета заметно меняется и его структура, например, улучшается разнообразие и качество пищи. Одним из наиболее характерных моментов эволюции рабочего бюджета в рассматриваемый период было перемещение «центра тяжести» питания от объемистых и

дешевых растительных продуктов к более ценным в физиологическом отношении и более дорогим продуктам животного происхождения [\[15, с.177\]](#).

В табл. 8 приводится динамика заработной платы служащих в промышленных предприятиях (указана средняя заработная плата и отношение заработной платы служащих в промышленности к заработной плате промышленных рабочих по последним месяцам четвертей года для всей промышленности и основных ее отраслей).

Таблица 8. Средний месячный заработок промышленных служащих в 1922 году (для построения таблицы использованы данные: [\[14, с.207\]](#))

	В процентах к стоимости бюджетного набора продуктов				
	По всей промышленности	В том числе			
		По обработке металла	По текстильной пром-ти	По химической пром-ти	В % к заработку пром. рабочих
март	119,9	115,1	122,6	113,2	147,1
июнь	157,7	155,8	148,1	180,9	159,3
сентябрь	196,8	202,1	176,0	225,4	166,4
декабрь	248,6	234,3	230,6	222,6	175,1

Видно, что заработки служащих по всей промышленности и ее отдельным отраслям различались незначительно, однако по сравнению с заработком рабочих темп роста зарплаты служащих выше (на 50% в первом квартале до 75% к концу года).

Что касается соотношения денежной и натуральной части заработной платы служащих, здесь происходит аналогичный процесс, но протекающий более быстро, чем у рабочих. В табл. 9 приведены сведения о денежной части зарплаты промышленных служащих в 1922 году.

Таблица 9. Денежная часть месячного заработка промышленных служащих в 1922 году (для построения таблицы использованы данные: [\[14, с.207\]](#))

Месяцы	По 34 губерниям	В том числе			В том числе		
		г. Москва	Петроград	Провинция	По обработке металла	По текстильной пром-ти	По химической пром-ти
март	33,7	61,4	52,0	25,9	24,0	44,0	3
июнь	53,8	83,0	78,5	42,3	44,4	60,3	7
сентябрь	75,1	91,2	84,2	69,4	75,0	70,1	8
декабрь	82,3	97,2	99,9	74,9	88,3	76,1	9

Таблица однозначно свидетельствует, что в течение 1922 года натуральная заработная плата промышленных служащих была вытеснена денежной, а в столицах к декабрю роль натуральных выплат уже была совсем ничтожной. У металлистов и химиков уже до 90% зарплаты выплачивалось деньгами. До 25% приходилось на натуральные выплаты в провинции и у текстильщиков, где широко применялась оплата мануфактурой.

Таблица 10. Средний месячный заработок советских служащих за апрель–декабрь 1922

г. [\[14, с.210\]](#)

Месяцы	В % к стоимости бюджетного набора продуктов	В % к апрелю
Апрель	79,1	100,0
Май	106,6	134,8
Июнь	126,1	159,4
Июль	137,1	173,3
Август	159,9	202,1
Сентябрь	151,7	194,8
Октябрь	140,5	177,6
Ноябрь	178,5	226,9
Декабрь	181,5	229,4

А. Г. Рашин приводит данные анкетных обследований ЦК Союза совработников, характеризующие заработную плату советских служащих за 1922 г. В табл. 10 представлено движение фактической заработной платы в 25 губернских городах по 7 «сквозным» учреждениям за период с апреля по декабрь 1922 г. Хотя приведенная таблица не включает столичные учреждения, в которых заработная плата была выше, но она также не включает и уездные учреждения с более низким заработком, и поэтому можно предположить, что для характеристики динамики заработной платы совслужащих приведенные данные достаточно репрезентативны. Видно, что в 1922 г. происходит значительный рост заработной платы совслужащих, причем темп роста их заработной платы даже выше чем темп роста заработков у промышленных рабочих. Небольшое падение заработной платы в сентябре–октябре вызвано, с одной стороны, сезонным подъемом цен, а с другой стороны – частичным снятием с госснабжения советских служащих в сентябре и окончательным – в октябре. Как отмечает А. Г. Рашин, по отдельным группам учреждений имеются заметные колебания в размерах реальной заработной платы. В использованных источниках зафиксировано, что зарплата за период октябрь–декабрь 1922 г. по группе хозяйственных учреждений (таких, как Губпродком, Губфинотдел, Губсовнархоз и т. п.) превышала на 16% среднюю по всем обследованным учреждениям, а заработная плата по группе административных учреждений (таких, как Губстатбюро, Совнарсуд и др.) была ниже средней на 34%. Натуральные выплаты, роль которых в совокупной заработной плате советских служащих уже в апреле была меньше, чем у рабочих (около 30% всего заработка), к концу года составляют незначительную величину. В целом, у советских работников, несмотря на удвоение заработной платы за 1922 год, заработки к концу года находились на более низком уровне, чем у промышленных рабочих по сравнению с довоенным периодом.

Вновь отметим, что заработная плата служащих в столицах превышает заработную плату служащих в провинции, где наблюдается высокая региональная неоднородность.

Таким образом, в 1922 году произошло существенное изменение в структуре зарплат – увеличение их денежной составляющей: так, реальная зарплата рабочих крупной промышленности (предприятия с числом рабочих свыше 250) в 1922 г. выросла примерно вдвое, причем ее денежная составляющая увеличилась с 23 до 78%, реальная зарплата служащих выросла в 2,2 раза, а ее денежная часть увеличилась с 56 до 91% заработка (вычислено на основе таблицы VIII «Реальный заработок рабочих крупной промышленности в 1922 г.» [\[12, с.224-225\]](#)). Выше всего этот показатель в Москве (почти 95%) и Ленинграде (почти 90%), в провинции – немногим более 70%.

Структура статистического ежегодника ЦСУ за 1923–24 гг. довольно сильно отличается от структуры за предыдущие годы, например, список губерний значительно расширен (теперь это вся территория СССР), не публикуются погубернские данные о зарплатах рабочих и служащих, меньше и сведений по отраслям: в основном приводятся данные по металлообработке, текстильной и химической промышленности (для столиц – также по полиграфической и пищевой промышленности). Имеющаяся информация тем не менее, позволяет сделать вывод о том, что сохранялась заметная дифференциация уровня реальных зарплат рабочих по отраслям (с коэффициентом вариации на уровне 13–17%), промышленных служащих по отраслям и совслужащих – по группам учреждений (с более высокими коэффициентами вариации), причем вариации денежной части зарплаты более чем вдвое превышают вариации общей зарплаты. На рис. 6 и 7 показан довольно медленный рост реальной зарплаты и чрезвычайно быстрое уменьшение натуральных выплат.

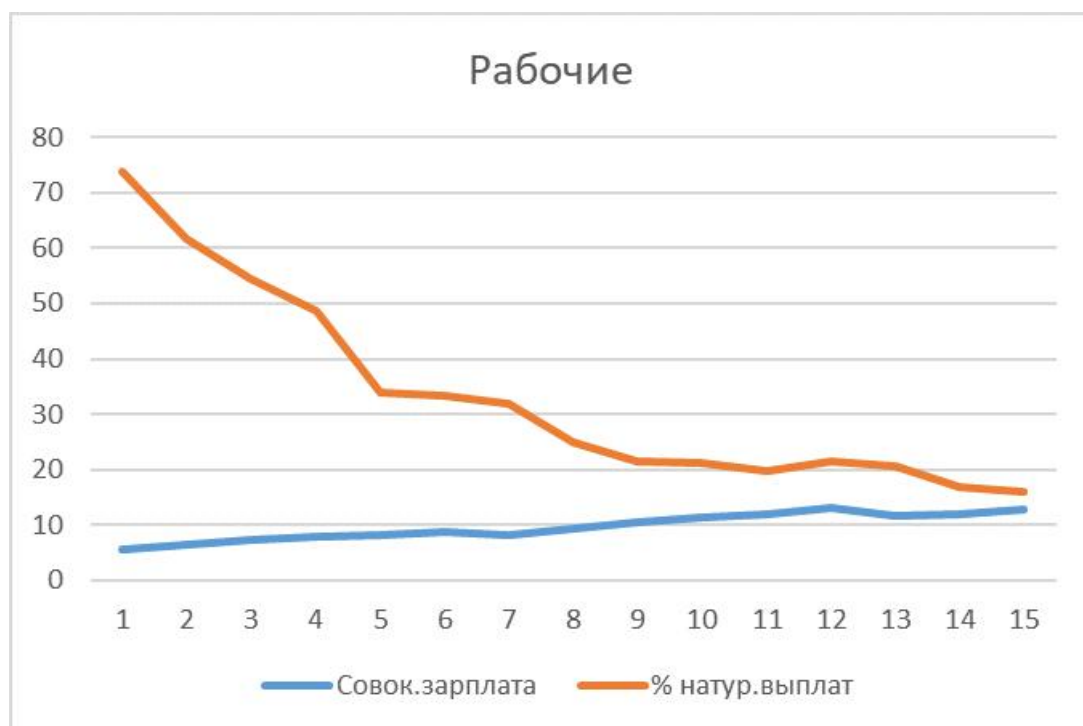

Рис. 6. Динамика реальной зарплаты рабочих в 1922 году и уменьшение натуральных выплат

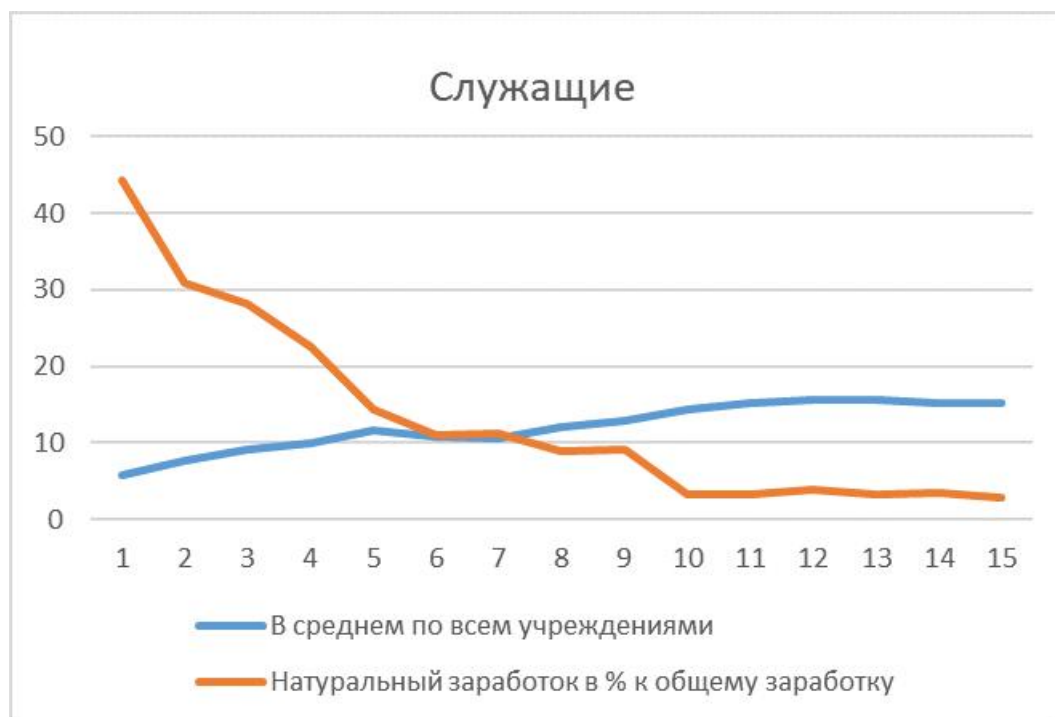

Рис. 7. Динамика реальной заработной платы служащих в 1922 году и уменьшение натуральных выплат

По номинальному заработку в червонных рублях дифференциация заработной платы более заметно, чем по реальному заработку. Это объясняется тем, что высокооплачиваемые производства сосредоточены, главным образом, в столицах и крупных центрах, где стоимость бюджетного набора значительно превышала среднюю величину по СССР [17, с.635]. Вариация стоимости бюджетного набора по губерниям характеризуется высоким значением индекса Джини, на уровне 0,62. Возможно, с этим связана высокая дифференциация натуральных зарплат в 1922 году.

* * *

В 1923/24 году развивались тенденции, заложенные в предыдущем году, с учетом того, что доля денежных выплат уже была доминирующей и в отраслевом, и в региональном аспектах, поэтому составители ежегодников с этого времени уже не уделяют отдельного внимания денежной части зарплат. В этот период дифференциация по оплате труда почти полностью определяется денежными заработками.

Данные справочников за 1923–1924 гг. содержат информацию, которая представляет более подробные, интервальные распределения рабочих и служащих по величине зарплаты, что позволяет изучать дифференциацию в оплате труда по отдельным отраслям и группам производств с помощью как индекса Джини, так и децильных коэффициентов.

Анализируя динамику зарплат в 1923/24 гг., приведем следующую таблицу:

Таблица 11. Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности за 1923/24 г. (в подсчет вошли предприятия с числом рабочих свыше 250; в среднем данной разработкой ЦБСТ охвачено 1100 тыс. рабочих) (в таблице использованы данные [17, с.635])

Производств. группы	В условных московских рублях						В % к предшеств. кварталу			
	1923-1924				В ср. за хоз. год		1923-1924 гг.			
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	1922- 23	1923- 24	I квартал	II квартал	III квартал	IV кв
По всей пром- ти	19,33	20,39	20,42	22,87	15,88	20,75	114,0	105,5	100,1	11
В том числе										
по металл.	20,68	21,87	22,53	25,38	17,57	22,62	103,7	105,7	105,7	11
по текстильн.	17,65	18,20	17,18	19,31	12,30	18,09	133,0	103,1	103,	11
по химич.	18,93	19,69	19,51	23,13	16,67	20,32	107,6	104,1	99,1	11
В том числе										
г. Москва	25,03	26,57	26,57	29,85	19,82	27,01	116,9	106,2	100,0	11
Ленинградская губ.	25,81	24,48	25,24	28,92	20,28	26,11	117,3	94,8	103,1	11

Как видно из таблицы, в 1923/24 хозяйственном году заработная плата продолжает повышаться, хотя и не равномерно, с учетом роли отдельных факторов, непосредственно влиявших на этот процесс. Так, в первом квартале 1923/24 г., вследствие небольшого повышения тарифных ставок, а, главным образом, вследствие приближения сроков исчисления заработной платы к срокам ее выплаты ее, месячные заработки рабочих в среднем по всей промышленности возросли по сравнению с последним кварталом 1922/23 г. на 14%. Во втором квартале происходит повышение еще на 5,5%, в основном в январе. Из наиболее существенных факторов, повлиявших на рост заработной платы в январе, можно указать на рост тарифных ставок по некоторым союзам, раздвижение тарифной сетки у металлистов и частично у химиков и продолжающееся сближение сроков выплаты со сроками исчисления заработной платы. В третьем квартале реальная заработная плата рабочих в среднем по всей промышленности оставалась на уровне второго квартала. В четвертом квартале, главным образом, под влиянием снижения розничных цен в августе-сентябре и некоторого роста сдельных приработков заработная плата повысилась на 12,0%.

За весь хозяйственный 1923/24 г. реальная заработная плата в среднем по всей промышленности повысилась на 30,7%. По отдельным отраслям следует отметить, что в металлообработке в течение первых трех кварталов 1923/24 г. происходил непрерывный, но сравнительно незначительный рост заработной платы; в четвертом же квартале заработная плата повысилась сразу на 12,7%. При среднем повышении заработной платы по всей промышленности за год на 30,7%, заработная плата металлистов повысилась на 28,7%.

У текстильщиков резкое повышение заработной платы произошло, главным образом, в первом квартале – на 33,0% и в четвертом – на 12,4%, в третьем же квартале заработки несколько снизились, в итоге за весь хозяйственный год заработная плата текстильщиков повысилась на 47,1%. По химической промышленности рост заработной платы оказался ниже общего среднего роста.

По Москве заработная плата рабочих в 1923/24 г. повысилась на 36,3%, в Ленинградской губернии – на 28,7%.

Таблица 12. Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в столицах

и в провинции за 1923/24 г. (таблица составлена по данным [\[17, с.635\]](#))

Кварталы	По СССР	В том числе		Заработок столичных рабочих в % к заработку рабочих в провинции
		По столицам	По провинции	
	В условн. моск. рублях			
1	19,33	25,44	18,26	139,3
2	20,39	25,51	19,52	130,7
3	20,42	25,74	19,51	131,9
4	22,87	29,38	21,75	135,1
В среднем за 1923/24 г.	20,75	26,52	19,76	134,2

В среднем за весь хозяйственный 1923/24 г. реальная заработная плата столичных рабочих на 34,2% превышала заработную плату промышленных рабочих в провинции, причем эти соотношения почти совпадают со средними соотношениями за 1922/23 г., когда заработки рабочих столиц на 33% превышали заработки рабочих провинции.

В первом квартале 1923/24 г. расхождение заработков заметно усилилось, во втором и третьем квартале заработки рабочих столиц и провинции несколько сблизились, так как реальные заработки рабочих провинции, под влиянием сближения сроков исчисления зарплаты и выплаты ее во втором квартале и вследствие перехода на исчисление зарплат в червонных рублях в третьем квартале, повысились. Однако в четвертом квартале расхождение заработков рабочих столиц и провинции вновь усиливается и достигает 35%. Аналогичную динамику по кварталам можно отметить и по металлообрабатывающей и текстильной промышленности, причем расхождение заработков рабочих столиц и провинции по металлообрабатывающей промышленности превышает расхождение в среднем по всей промышленности, в текстильной же промышленности это расхождение значительно отстает от среднего по всей промышленности (возможно, вследствие низких размеров заработков текстильщиков).

Оценим уровень дифференциации зарплат промышленных рабочих на основе их группировки по размерам заработков в условных московских и червонных рублях.

Таблица 13. Распределение рабочих по размерам заработков в марте 1924 г. (таблица составлена по данным [\[17, с.642\]](#))

В условных московских рублях		В червонных рублях	
Группировка	Получало в % к итогу	Группировка	Получало в % к итогу
До 10 р.	14,0	До 20 р.	19,9
От 10,1 до 20 р.	42,8	От 20,1 до 30 р.	23,2
От 20,1 до 30 р.	25,3	От 30,1 до 40 р.	20,0
От 30,1 до 40	12,1	От 40,0 до 50 р.	14,2

р.			
От 40,1 до 50 р.	3,24	От 50,1 до 60 р.	8,8
От 50,1 до 60 р.	1,8	От 60,1 до 70 р.	5,6
Свыше 60 р.	0,8	От 70,1 до 80 р.	6,7
		Свыше 100 р.	1,6

Подсчет коэффициентов неравенства по этим данным дает достаточно близкие значения коэффициентов Джини для данных в московских рублях и в червонных рублях: соответственно, 0,29 и 0,30, при этом децильные коэффициенты существенно отличаются – 5,12 и 7,25, т.е. дифференциация в червонных рублях заметно выше. Для 1924 года Джини = 0,26, децильный коэффициент = 3,4

Для сравнения приведем данные о распределении рабочих крупной фабрично-заводской промышленности по размерам заработка в марте 1925 и 1926 года.

Таблица 14. Распределение рабочих крупной фабрично-заводской промышленности по размерам заработка в марте 1925 и 1926 гг. (в червонных рублях) (таблица составлена по материалам [\[18, с.289\]](#))

Группировка	Получали в % к итогу	
	Март 1925 г.	Март 1926 г.
До 30 р.	30,6	15,8
От 30,1 до 40 р.	21,8	15,6
От 40,0 до 50 р.	17,2	16,9
От 50,1 до 60 р.	11,1	14,3
От 60,1 до 70 р.	7,0	10,4
От 70,1 до 80 р.	4,4	7,8
От 80,1 до 90 р.	2,8	5,7
От 90,1 до 100 р.	1,8	4,1
От 100,1 до 150 р.	2,9	8,0
Свыше 150 р.	0,4	1,4

При переходе от 1925 к 1926 году децильный коэффициент убывает с 7,4 до 4,3; коэффициент Джини незначительно растет – с 3,9 до 4,0.

Переходя к обзору динамики заработной платы промышленных служащих, следует отметить, что повышение реальной заработной платы служащих в среднем по всей промышленности в общем почти не отставало от соответствующего роста заработков промышленных рабочих. Если сопоставить реальный месячный заработок промышленных служащих в четвертом квартале 1923/24 г. с заработком в сентябре 1923 г., то повышение заработной платы за этот период выразится в 27,5% (относительно стоимости бюджетного набора).

В столицах реальная плата служащих в промышленных предприятиях превышала заработную плату промышленных служащих провинции на 19,2%, то есть, отставание заработков служащих провинции от заработков в столицах было менее значительным, чем у промышленных рабочих. Зарботки служащих в промышленных предприятиях

превышали заработки рабочих в среднем по всей промышленности за 1923/24 г. на 86%; более значительное расхождение зарплаток служащих и рабочих было в текстильной промышленности, в которой уровень заработной платы рабочих сравнительно невысок. Наоборот, в отраслях промышленности, где заработная плата рабочих относительно высока, например, в полиграфической промышленности, заработки служащих уже гораздо менее отличались от зарплаток рабочих.

В Москве заработки промышленных служащих превышали заработки рабочих на 77%.

Номинальный заработок промышленных служащих в червонных рублях достигает в июле – сентябре 1924 г. в среднем по союзу 72,2 руб., в Москве он превышает 100 руб., а в Ленинграде равен 89 руб. Хотя по отдельным союзам колебания средних зарплаток промышленных служащих были сравнительно незначительны, но внутри самой группы промышленных служащих, в которую входят, наряду с высшим техническим и административным персоналом, средний технический и конторский персонал и даже неквалифицированные служащие, мы встречаем весьма ярко выраженную дифференциацию зарплаток. Так, по данным обследования заработной платы за март 1924 г. группировка служащих промышленных предприятий по размерам зарплаток в среднем по всей промышленности (в подсчет было включено 53 тыс. служащих промышленных предприятий) была следующей:

Таблица 15. Распределение промышленных служащих по размерам зарплаток в марте 1924 г. (таблица составлена по данным статьи [\[17, с.652\]](#))

В условных московских рублях		В червонных рублях	
Группировка	Получало в % к итогу	Группировка	Получало в % к итогу
До 10 р.	2,3	До 20 р.	4,1
От 10,1 до 20 р.	16,4	От 20,1 до 40 р.	20,8
От 20,1 до 30 р.	28,8	От 40,1 до 60 р.	29,7
От 30,1 до 40 р.	22,1	От 60,0 до 80 р.	18,0
От 40,1 до 50 р.	10,4	От 80,1 до 100 р.	11,0
От 50,1 до 60 р.	6,9	От 100 до 125 р.	7,0
Свыше 60 р.	13,1	От 125 до 150 р.	4,2
		Свыше 150 р.	5,2

Подсчет коэффициентов неравенства по этим данным дает достаточно близкие значения: коэффициенты Джини для данных в московских рублях и в червонных рублях дают, соответственно, 0,26 и 0,30; децильные коэффициенты – 4,24 и 4,78. Эти результаты показывают довольно заметный уровень дифференциации зарплат в ходе процесса постепенного возврата к нормальным принципам оплаты труда, хотя показатели для служащих ниже, чем для рабочих.

Для характеристики динамики заработной платы советских служащих, объединяемых союзом совработников, используем данные по столичным и губернским учреждениям,

которые приводит А. Г. Рашин [\[17, с.654\]](#). Соответственно, вследствие отсутствия сведений об уездных учреждениях с более низкими заработками исчисленные в таблице размеры заработной платы совслужащих являются несколько завышенными.

Таблица 16. Средний месячный заработок советских служащих в 1923/24 г.

	В условных моск. руб.					
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	В среднем за год	1923/24 год к 1922/23 году
Всего по СССР	31,56	30,73	28,95	31,61	30,71	+38,3
В том числе						
г. Москва	46,88	48,12	37,21	39,13	41,58	+26,2
г. Ленинград	37,00	37,75	33,80	36,22	36,19	+32,5
Провинция	27,22	26,90	26,30	29,06	27,37	+40,9

Значительное повышение реальной заработной платы советских служащих следует отметить в первом квартале при переходе на новый бюджетный год. Во втором и третьем квартале произошло незначительное снижение реальной заработной платы, а в IV квартале заработная плата советских служащих достигла вновь уровня первого квартала. Если сравнить реальную заработную плату в среднем за 1922/23 и 1923/24 гг., то она повысилась на 38%.

А. А. Ильюхов отмечает, что в 1923/24 гг. статистика показывает не только тенденцию к росту зарплаты, но и ее довольно неустойчивое состояние (как по всей промышленности, так и в Москве). Причины этой неустойчивости он видит в колебаниях цен на товарных рынках, в высокой инфляции, в системе расчета реальной заработной платы, в количестве проработанных дней и других факторах [\[1, с.99\]](#).

Уже с 1922/23 гг. шел процесс снижения доли натуральной части заработной платы, которая постепенно сводится на нет в 1924 г. на предприятиях всех типов. Однако, хотя к началу 1924 г. заработная плата стала выдаваться только в денежной форме, государство иногда использовало натуральные выдачи, но уже не для оплаты конкретного труда, а для оплаты коммунальных услуг и (или) питания. Эти выдачи присоединялись к зарплате, хотя и не зависели от ее размера. В основном это касалось расчетов за занимаемое помещение – в качестве государственной поддержки социально привилегированных слоев населения. Натуроплата в период нэпа постепенно сокращалась и составила в 1924 г. 8,5% [\[1, с.72\]](#).

Таким образом и в течение 1923/24 г. продолжался дальнейший и довольно значительный рост заработной платы, причем в некоторых отраслях труда он происходил особенно интенсивно. Заработная плата повысилась за год у промышленных рабочих на 30,7%, у промышленных служащих на 32,5% и у советских служащих губернских учреждений на 38%.

Наиболее заметна тенденция постоянного роста реального заработка для столиц, где уровень оплаты труда был значительно выше, чем в среднем по стране. На предприятиях Москвы рабочие и служащие получали зарплату в основном в денежном эквиваленте и процент натуральных выплат был настолько незначителен, что не играл практически никакой роли, поскольку к началу 1924 г. в Москве практически исчезли натуральные выдачи в зарплате.

Для Москвы характерны очень высокие темпы роста зарплаты, особенно с лета 1924 г. и иная структура заработной платы. Здесь уже в декабре 1922 г. денежная часть зарплаты равнялась 94,5% (в январе того же года – только 37,8%), и то время как в Петрограде она составляла 88%, а в среднем по стране всего 72,1% [\[12, с.224-225\]](#).

Уже летом 1924 г. зарплата московских рабочих превысила довоенный уровень. Несколько раньше это произошло у пищевиков, кожевников, швейников, позже – у текстильщиков, только московские металлисты по уровню зарплаты не достигли в 1924 г. размера 1913 г. (это произошло лишь в начале 1925 г.) Такое отставание было обусловлено тем, что до революции металлисты получали более высокую заработную плату по сравнению с теми же швейниками и кожевниками, поэтому для них даже при высоких темпах роста оплаты труда было сложно достигнуть дореволюционного уровня зарплаты. Кроме того, металлисты производили менее ликвидный товар, чем текстильщики и кожевники, что в условиях возрождающейся рыночной экономики было важно. Например, печатники и кожевники намного опережали по размеру зарплаты текстильщиков и швейников, что объясняется высоким спросом на их продукцию на рынке.

Тем не менее, процентное соотношение денежной части заработной платы ко всему заработку по Москве и российской провинции заметно отличалось – провинциальные рабочие даже в апреле 1923 г. получали четверть своего заработка пайком (А. Г. Рашин объясняет такую ситуацию денежным голодом в провинции).

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. можно выделить различные периоды динамики зарплат: от почти полной натурализации и господства уравниловки, через быстрый и неупорядоченный рост номинальной и реальной зарплаты под воздействием множества факторов – к уменьшению и отмене натуральных выплат и началу возвращения к нормальным принципам оплаты труда.

Библиография

1. Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 415 с.
2. Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. – М., 1923. – 88 с.
3. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. В 2-х тт. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1952. Том II. – 359 с.
4. Струмилин С. Г. Избранные произведения. В 5 тт. – М. : Наука, 1964. – Т. 3. Проблемы экономики труда. – 529 с.
5. Гарскова И.М. Динамика неравенства в оплате труда в отраслях советской промышленности в годы нэпа: сравнительный анализ данных по профессиональным группам // Уральский исторический вестник. – 1922. – №1. – С. 38–50. – URL: http://uralhist.uran.ru/en/archive/483/484/_aview_b744
6. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4 / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2000. – С. 39–80.
7. IV съезд профсоюзов: Стенографический отчет. – М., 1921. – Т. 2. – 246 с.
8. Бородин Л. И., Сафонова Е. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обзорение. Вып. 5. – М, 2000. – С. 23–46.
9. Статистический ежегодник. 1921 год. Выпуск первый. С присоединением сведений

- за 1922 г. по внешней торговле / Труды Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 3. – М., 1922. – 391 с.
10. Статистика труда в промышленных заведениях. Явки на работу, прогулы и заработная плата рабочих в 1920 году / Труды Центрального статистического управления. Т. XI. – Вып. 1. – М., 1922. – 69 с.
11. Полляк Г. С. Денежная заработная плата фабрично-заводских рабочих и служащих в 1921 г. // Статистика труда в промышленных заведениях. Движение рабочей силы, явки на работу, прогулы и заработная плата рабочих в 1921 году / Труды Центрального статистического управления. Т. XI. Вып. 2. – М., 1923. – С. 26–36.
12. Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. Выпуск первый / Труды Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 5. – М., 1924 – 355 с.
13. Статистический ежегодник. 1924 г. Выпуск первый / Труды Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 7. – М., 1926. – 349 с.
14. Рашин А. Г. Движение заработной платы в 1922 году // Народное хозяйство России за 1921–1922. Статистико-экономический ежегодник. – М.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1923. – С. 190–218.
15. Полляк Г. С. Бюджет рабочего в 1922–1926 гг. // Экономическое обозрение. – 1927. – Вып. X. – С. 169–186.
16. Полляк Г. С. Бюджеты рабочих и служащих // Народное хозяйство СССР за 1923–24 год (IV Статистико-экономический ежегодник). – М.: Экономическая жизнь, 1924. – С. 658–678.
17. Рашин А. Г. Заработная плата // Народное хозяйство СССР за 1923–24 год (IV Статистико-экономический ежегодник). М.: Экономическая жизнь, 1924. – С. 634–657.
18. Статистический справочник СССР, 1927. – М., 1927. – 506 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение неравенства, включая принципы и инструменты его измерения в разные исторические периоды, все последние десятилетия является одним из самых актуальных направлений экономической истории. Для России в этом плане особый интерес представляет период нэпа, когда закладывались основы советской экономики. При этом для первой половины 20-х гг. XXв. одним из наиболее сложных вопросов остается динамика натуральной и денежной частей зарплаты рабочих и служащих. Именно этой проблеме посвящена рецензируемая статья.

Методология статьи заключается в сравнительном анализе двух основных составляющих заработной платы – денежной и натуральной. При этом отмечается, что в рассматриваемый период именно натуральная часть заработной платы (паек) обеспечивала жизненные потребности рабочих. Для расчетов распределения заработной платы по территориальным единицам – губерниям – используются такой статистический показатель, как коэффициент вариации и такие эконометрические показатели как децильный коэффициент и индекс Джини.

Актуальность статьи определяется неослабевающим и постоянно возрастающим интересом к проблемам неравенства как в мировой, так и в отечественной науке. Изучение неравенства именно в заработной плате в истории нашей страны имеет особую

специфику и большое значение в силу особенностей налогового обложения (отсутствие в рассматриваемое время системы взимания подоходного налога).

Научная новизна работы заключается в анализе статистических материалов по большому количеству губерний на основе представительного источникового комплекса, а также применением современных методик анализа материала.

Структура статьи полностью подчинена логике исследования представленного статистического материала. Изложение начинается с постановки проблемы. Отмечается, что в годы гражданской войны полностью возобладал принцип уравнительности в заработной плате, а в период нэпа начался возврат к принципам дифференцированной оплаты труда. Во второй половине 1920-х гг. в оплате труда существовали различные тенденции. Подробно рассматривается период раннего нэпа, когда основу зарплаты составляли натуральные выплаты. В более позднее время увеличение доли сдельной оплаты способствовало росту денежной части зарплаты, что хорошо заметно, начиная с 1921 г. Говоря о соотношении зарплат рабочих и служащих автор отмечает рост этой разницы в пользу служащих. Наиболее уверенно заработная плата рабочих и служащих росла в столицах. Общий вывод заключается в том, что к середине 1920-х гг. происходит возвращение к нормальным принципам оплаты труда. Работа написана строгим научным стилем, подчинена строгой логике и отличается четкой аргументацией высказываемых положений.

Библиография статьи содержит литературу и источники, связанные с тематикой и хронологией рецензируемой статьи, достаточно равномерно охватывая всю проблематику.

Рецензируемая работа содержит ряд новых постановок вопросов, что, безусловно, будет способствовать разворачиванию дискуссий и высокой цитируемости статьи.

Статья, посвященная динамике денежной части труда и дифференциации его оплаты в первой половине 1920-х гг. является научным текстом высокого уровня и может быть рекомендована к публикации.